

Меня зовут Шикако Нара, и я собираюсь рассказать вам одну историю.

Видите ли, меня не всегда звали Шикако. Это было... ну, сейчас это уже не важно. Если бы вы спросили кого-нибудь из моего окружения, они бы сказали вам, что я всегда была Шикако. Можно привести брата-близнеца или родителей, и они скажут: "Да, это Шикако". Она родилась в больнице Конохи 22 сентября. Я должен знать, я был там".

И это правда. Я родилась Шикако Нара, дочерью Шикаку и Ёсино Нара, младшей сестрой Шикамару Нара на тридцать минут.

Но до этого я была кем-то другим.

Условно можно сказать, что я перевоплотилась. Но даже сейчас я не уверена, что верю в это. Может, это просто иллюзия, которую придумал мой разум - до или после. Я не знаю. Но что я точно знаю, так это то, что это ощущение реальности. Поэтому я решил жить так, как будто это так и есть. Если это фальшивка, то я ничего не потерял.

Видите ли, причина, по которой в это было так трудно поверить, в том, что этот мир - тот, в котором я переродился? Я слышал о нем раньше. Точнее, я читал о нем в манге и смотрел по телевизору.

Это вселенная Наруто.

Да. Представьте мое удивление, когда я догадался об этом.

Что касается реинкарнаций, то я не могу сказать, это шаг вперед или шаг вниз. Раньше я всегда был в безопасности, родился в благополучной семье, в благополучном городе, в благополучной стране. А теперь здесь был мир, где все было грубо и дико, и даже цивилизованные люди нанимали убийц. Было ли это шагом вниз по кармической лестнице? Был ли я плохим человеком? С другой стороны, несмотря на то, что этот мир был ужасен, я едва избежал худшей участи - я родился в Конохе, возможно, самой милой деревне шиноби, в хорошей семье.

Ведь в сказках плохие люди всегда перерождаются в муравьев, а потом на них наступают, верно?

Не знаю. Я также не знаю, почему я вспомнил. Я был обычным человеком. У меня были братья и сестры, родители, но не было партнера или детей. У меня было базовое университетское образование и средняя работа. Я не оставил после себя никакого выдающегося наследия и не совершил никаких невыразимых преступлений. Когда я умер, вряд ли многие заметили это. Я не тот человек, на которого можно положиться, чтобы спасти мир. Может, у какого-нибудь бога там, наверху, странное чувство юмора. А может, это был просто несчастный случай. Я проскользнул сквозь шестеренки космического расчета и не был достаточно важен, чтобы меня заметили.

Это объяснение мне нравится больше всего.

Но, как я уже говорил, я родился у Шикаку и Йошино Нара в Главной больнице Конохи 22 сентября младшим из близнецов. Это звучит так удивительно, когда так говорят. Духовное чудо. Правда, в тот момент я не понимала, что происходит. Меня скручивали и сдавливали, а успокаивающая темнота, в которой я покоилась, была разорвана. Были боль, холод и ужас. Это была непосредственность. Вещи, которые раньше не казались важными, вдруг оказались в центре моего внимания: что произошло, где я, жив я или мертв, ранен или травмирован, что происходит?

Я не мог понять.

Когда дети рождаются, их глаза невероятно неразвиты. Весь мир был для меня размытым. Это была не совсем дальтонизм, но легче всего было увидеть резкий контраст между светом и темнотой. Я мог видеть формы и края, но мир выглядел невероятно запутанным.

Мне было страшно. В ужасе. Я не понимал, что происходит. Я слышал, да, но не понимал, что мне говорят. У меня поврежден мозг? У меня афазия? Эта мысль приводила меня в ужас. Мало ли какие судьбы могут быть хуже, чем оказаться в ловушке, не имея возможности общаться с окружающим миром.

Но даже это не объясняло всего. Меня подняли и понесли. Я всегда был невысоким и худым, но даже это не объясняло легкости, с которой меня поднимали и как несли. Наверное, меня держали в чьей-то руке, но в тот момент я не могла понять, что это за ощущения. Это не укладывалось в голове.

Я сделал единственное, что мог. Я закричал. Я взвыл. Я плакал.

Звучит странно, что я, взрослый человек, должен был так реагировать. Но, по крайней мере, частично я руководствовался инстинктами нового тела, в которое вселился. Даже если бы я попытался заговорить, мой речевой аппарат не был достаточно скоординирован, чтобы это сделать, не говоря уже о языковом барьере, который существовал. Поэтому я плакал, что было высшей реакцией на любой вид дискомфорта.

Трудно передать, насколько это было страшно - оказаться в таком беспомощном состоянии.

Признаюсь, я была ужасным ребенком. Я была почти слепая, растерянная и беспомощная. Мое тело не реагировало на меня. И внутри меня был невыносимый зуд от формирующихся витков чакры.

В ответ я плакала. Все. Все. Время.

Сейчас я чувствую себя виноватой. Должно быть, это было невероятно трудное время для моих

новых родителей. (Поначалу мне было неловко называть их "мама" и "папа". Они не были моими родителями, которых я помнил. С другой стороны, я не знал их имен, и мне не хватало понимания языка, чтобы их различать. Это поставило меня в затруднительное положение. Конечно, это продолжалось недолго. В детстве мне было одиноко. Они были единственными людьми, с которыми я общался. Они кормили меня, переодевали, определяли мое расписание. Невозможно полагаться на такого человека и не полюбить его). Когда мы родились, они, как и большинство родителей-ниндзя, были довольно молоды. Война закончилась совсем недавно, и они, вероятно, все еще пытались приспособиться к странному существу, известному как "мирное время".

Они перепробовали все, что могли. А когда это не помогло, они отвезли меня обратно в больницу, боясь, что что-то не так.

Хотя я узнала об этом только много позже, медик поставил диагноз "гиперчувствительность чакры". Буквально, что моя боль была вызвана моей собственной чакровой системой. Это был смертельный удар по карьере ниндзя. Ниндзюцу, гэндзюцу, все, что требовало чакры, было слишком болезненным. Даже Ли, с его деформированными катушками, умудрялся использовать чакру для улучшения своего тела. Они не понимали, что дело не в моем теле и не в чакре, а в моем разуме. Чакра была конечностью, которой я никогда не пользовался, чувством, которого у меня никогда не было, она была чужой, и я ее не понимал. Со временем и знаниями я бы стал чувствовать себя с ней так же комфортно, как с любой другой, даже необычно, но в тот момент я этого не делал.

В тот момент я даже не знал, что это такое.

Все, что я мог сказать, - это то, что внутри меня есть что-то, чего раньше там никогда не было. Но это была не только моя собственная чакра, чакра была во всем, включая сам воздух, которым я дышал. Иногда, просыпаясь от глубокого сна, я был уверен, что утону в нем. Я кашлял, задыхался, хрипел и бился в панике, пока до меня не доходило, что это всего лишь воздух.

Конечно, как раз когда я начал успокаиваться, произошло то самое событие. Мне было три недели, когда произошло нападение Кюуби. Конечно, в тот момент я не имел ни малейшего представления о том, что происходит. Я едва осознавал себя ребенком.

Но я помню чакру.

Зло - это не то слово, которым я хотел бы легкомысленно разбрасываться. Но оно было непреодолимым, ужасающим, злобным и демоническим. Оно витало в воздухе, как густой дым, и при каждом вдохе я задыхался от него. Я был слишком напуган, чтобы закричать.

Он был для меня безымянным и безликим, и от этого становилось только хуже. Я не мог его ни оценить, ни проанализировать, ни понять. Это был всепроникающий ужас, которому я не мог ни сопротивляться, ни бороться. Словно дьявол открыл врата ада и вдохнул в воздух ужас. Это было страшно.

Я думал, что сойду с ума.

В кои-то веки Шикамару кричал, а я молчал. Я никак не могла издать ни звука. Я был за гранью этого.

Это чувство беспомощности перед лицом всепоглощающего ужаса осталось со мной надолго. С тех пор оно одновременно пугало и мотивировало меня.

Мне не стыдно признаться, что в тот день мне снилось больше кошмаров, чем я могу сосчитать.

Но это был единичный случай ужаса. Большинство моих дней были наполнены умопомрачительной скукой и полным отсутствием контроля над собой и окружающим миром.

Большую часть времени в младенчестве я проводил во сне и играя со своей чакрой, не то чтобы я знал, что это такое на том этапе. Но мне отчаянно нужно было чем-то занять свое внимание, пока я не мог взаимодействовать с окружающим миром. Поначалу я осторожничал, но когда оказалось, что мои манипуляции не приносят никакого эффекта, я стал смелее. Вероятно, уже тогда он укреплял мои мышцы, но, поскольку я не был подвижен, заметной разницы не было. Зато я хорошо "прочувствовал" свою чакру и, вероятно, развил очень хороший контроль над ней. Но в основном я думал о том, что это нечто, чем можно занять мой взрослый мозг, которому не хватало стимуляции.

На самом деле нет способа описать ощущения от чакры. Это как иметь второй набор вен, предназначенных исключительно для транспортировки горячего шоколада по телу, - тепло и уютно. Или, может быть, кофе, пробуждающий и оживляющий все, к чему он прикасался.

Манипулировать ею было несложно. Это не было похоже на попытку приручить чужеродное существо, или пасти кошек, или направлять воду из шланга. Это был вихрь теплой энергии, не просто направляемый моим разумом, но и являющийся его частью. Это невозможно описать.

Мое зрение полностью сформировалось только в возрасте шести месяцев, и именно тогда я начал понимать, где нахожусь. Тогда же мои голосовые связки были достаточно сформированы, чтобы начать говорить. Я легко подхватил разговорный язык, как это свойственно детям. У меня даже не было акцента, за что я был благодарен, так как это было бы трудно объяснить.

Однако попытка выучить новый язык в таком состоянии расстраивала. Неудивительно, что малыши славятся своими истериками.

К тому времени, когда мне исполнился год, доказательств того, где я нахожусь, стало все больше. Стандартным одеянием отца была куртка шиноби, а на голове я видел повязку. И только когда однажды мы пошли в парк и я поднял голову, чтобы увидеть гору Хокаге, я больше не мог этого отрицать.

Это была вселенная Наруто.

О, черт.

<http://tl.rulate.ru/book/101002/3469189>